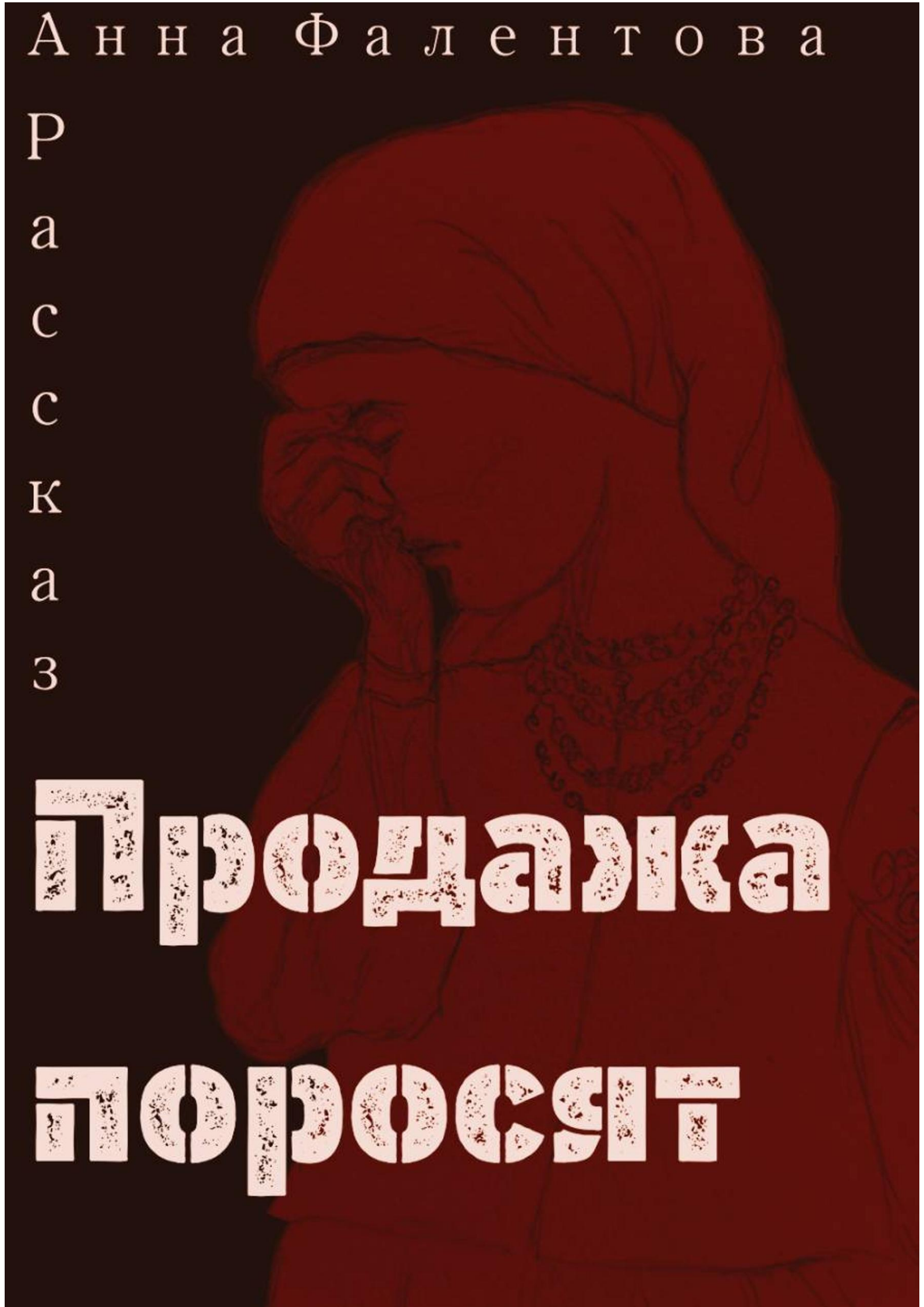
Анна Фалентова

Рассказ

Продажа поросят

Анна Фалентова

Продажа поросят

«Автор»
2026

Фалентова А.

Продажа поросят / А. Фалентова — «Автор», 2026

Хуторянка не может продать своих поросят. Она идет к местной ведьме, чтобы та привлекла колдовством покупателей...

© Фалентова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Рассказ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Продажа поросят

Рассказ

Ранним утром сидела девочка одиннадцати лет на корточках перед длинным деревянным корытом. Она неспешно бросала гусям горсти распаренного проса, мурлыкая под нос песню:

Галя воду, коромисло гнеться,

За нею Іванко, як барвінок в'ється.

Гуси окружили ее, хлопали крыльями и громко щелкали клювами. Девочка гладила одну из птиц по шее, а та отзывалась тихим урчанием, потираясь головой о ее руку. Послышался топот тяжелых босых ног по утоптанной земле двора. Внезапно из побеленной мазанки выплеснулась мать — в косынке, в запаске, на ходу вытирая мокрые руки о подол.

— Опять заигралась? — Голос сорвался на хрип. — Корм переводишь, а корова еще не доена!

Девочка выронила миску из рук, и зерно просыпалось в пыль. Гуси мгновенно выпрямили шею струной.

— Наталко! Что ж ты робиш! — она метнулась к дочери. — Ти же святыню святынь кинула в грязь! Руки у тебе повысыхали, сорок в тебе болячек? — Мать схватила с земли миску и хотела было уже замахнуться на Наталку, но из отворенного окна донесся захлебывающийся детский плач.

— Мамо, я не нарочно! Простите, мамо! — прошелестела Наталка. — Беги, — начала мать, — беги скорее, а то дите, не дай Боже, из люльки выпало!

Она сама упала на колени в пыль перед корытом и принялась лихорадочно сгребать пальцами грязь и птичий помет, скребать зерно обратно в миску, отталкивая птиц руками. Хутор взорвался трубным, паническим гоготом гусей; шумно хлопая крыльями по бокам, они поднимали тучи пыли, и пыль попадала в глаза. Мать испуганно вскрикнула, отскочила назад и стала отбиваться от гусей фартуком. Как тут ее окликнул басовитый голос:

— Палажка!

Палажка застыла, уставившись на своего кума с пышными, свисающими к губам усами, который небрежно оперся локтем о забор. Он гулко прочистил горло, прежде чем заговорил:

— Что это у вас, кумо, гуси так гучно кричат? Я ось мимо шел, дай, думаю спрошу — как там ваши поросята, не заждались ли купца?

Она сразу же поправила себе косынку, убрала под нее выбившиеся волосы и ласково ответила:

— Ой, та эта моя донька, совсем неповоротка стала. От и видите, що она мне устроила... А про поросят вы к слову сказали... Ой, заждались, куме, всю душу они мне вымотали!.. Есть кто на примету, или вы сами приценяться решили?

— Эх, да вот был купец, да весь вышел... — Чего это приключилось?

— Федот с дальнего выгона вчера своих за бесценок отдал, так тот перекупщик их и забрал. Опоздали мы. Палажка загорюнилась, плечи ее поползли вниз, округляя спину под сорочкой. Стала она шепотом причитать:

— Ох, горе-горе, куды я их дену...

Никто не проронил ни слова — кум достал из кармана трубку, а Палажка прислушалась к дому и поняла, что плач стих. Значит, дочка не такая уж и растяпа, смогла успокоить дитя.

— Ну все, кум, я побегла к скотине! — живо сказала она, выпрямившись и розовея.

— Дай Боже вам здоровья!

Он только успел чиркнуть огнивом, как она уже развернулась к нему спиной. Слова кума о прерванной покупке были для Палажки как обух по голове; она хотела сама оценить размах проблемы, да и вдруг эти поросята совсем с голоду озверели и теперь жрут друг друга?

Покинув залитый ярким солнцем двор, Палажка вошла в хлев; там царил густой, почти осязаемый мрак — словно проваливаешься на дно колодца. Тут же из темноты донеслись дикий визг и глухой стук копыт о доски загона. Свет проникал лишь тонкими лучами сквозь щели в бревенчатых стенах и соломенной крыше, и в этих лучах плотными облаками клубилась пыль. Взгляд Палажки невольно устремился к свету. В хлеву разило навозом, гнилой соломой и старым, с кислинкой, кормом. Поросята, причмокивая, шумно грызли края пустых кормушек.

— Господи, як же ви мені надоїли... — пробормотала она, обращаясь к поросятам. — Чем же мне вас кормить, гады?.. Ни черта ведь нет... Наталко! — крикнула она. — Наталко, беги сюда, шибко! Собери травы за хатой!

Через три минуты послышался тихий шорох босых ног. Дверь со скрипом распахнулась шире, и в полумрак упал сноп солнца. Наталка застыла в дверях с охапкой лопухов в руках, словно пугливая косуля.

— Ну що ти, як дурепа встала! Корми гадов!

Стоило поросятам почуять траву, как они принялись визжать еще пуще прежнего. Они обросли жесткой грязной щетиной, а их глубоко посаженные глазки горели голодом. Испачканные пятачки тянулись к девочке; поросята толкались, лезли друг на друга и упирались передними копытцами в перегородку. Наталка тихонько ойкала, боясь, что эти грязные гады вырвут у нее траву из рук или, того хуже, отхватят пальцы. Мать осыпала бранью и дочь, и поросят, твердя, что никак не может их продать, что это не скотина, а проклятые дармоеды, и что от их визга у нее голова пухнет. Палажка от злости хотела замахнуться кулаком на поросенка, который слишком нагло лез к Наталке, но случайно ударилась о перегородку и от боли зашипела.

— А, пропади ви пропадом! — гаркнула мать. — Корыто начисто выскреби, Наталко! Нужно еще корову доить, ты гляди сколько дел! Ой, Боже, яка ти тетеря! Потом бери ведра и дуй к колодцу, а после иди на огород, надергай луку к вечеру. Да гляди мне, чтоб в хате ни писка не было!

Палажка направилась к хате, чтобы проверить, как там дитя. Прежде чем переступить порог, она тщательно вытерла грязные ноги о траву. В хате было прохладно и, самое главное, тихо. Этот покой сбил с нее остатки распаленного настроя. Она на мысках подходила к люльке, подвешенной к потолке, ребенок в ней лежал, туго запеленеченный, как в коконе; из пеленок торчало только лицо, маленькое и круглое, почти светящееся. На лбу малыша из-за духоты выступили капельки пота. Колыбель едва заметно покачивалась сама по себе.Ей было тошно от беспомощности, у нее ныло в груди.

— Махонький мій, чим же я буду тебе взимку кормить, ежели не продам их...

У Палажки по привычке поднялась рука к пуговицам сорочки, и она выдавила на палец своего грудного молока, но оно было почти прозрачным, синеватым, как колодезная вода.

— Ну ось, на тех чертей накричалася, тепереча и молоко поганью стало. Розгами свиней лупить треба...

«Ось есть корова, яку треба доить, — думала она, — есть поросята, яких тоже треба чем-то потчевать, и дурную дівку тоже. А хлопчик мій с голоду помрет!» Она встала с табурета, подошла к красному углу и принялась молиться иконе Божией Матери со Спасителем:

— Господи, ну на кого они мне все здалися! Господи, Богородице, ну зробите что-нибудь, иначе я свою дівку на съедение свиньям отдам, толку от нее никакого! Зерно рассыпала, просо проворонила! Ой!

Весь хутор на Палажкиной беде не строился — все жили по своим порядкам. Вот одна преклонных лет баба с яростью гонит соседских кур со своего огорода и кричит хозяйке кур:

— Твоя сволота поклювала всю мою капусту! Чтоб твой сын на гадюке женился!

— А як ти хотіла, — отвечала соседка базарным голосом, — вон яки они в тебе тощие, ползут до нас от тебе потому что не кормишь! И сына моего не трогай!

Палажка вышла к дочери проверить, не сидит ли та без дела, а сама гадала, чего же она такого страшного в жизни сделала, что со всех сторон на нее напасти обрушились. Ведь праведную жизнь вела: молилась, в церковь на Пасху всегда носила куличи освящать, двух детей одна выхаживает. Во дворе Наталка доила корову, сгорбленная, упиралась лбом в коровий бок; кружили над ними мухи, которых беспокойное животное отгоняло хвостом. Палажка села на порог, подперев рукой щеку, и стала вспоминать, кто последний раз проходил возле ее хаты. Боялась, кабы кто ее сглазил. Она тяжело вздохнула, и Наталка к ней обернулась.

— Що вам? — спросила дочь.

— Дочко, згадуй, хто і коли проходив біля нашої хати.

Наталка гибко повернулась всем станом к матери.

— Я й не знаю...

— А ну, згадуй! — гаркнула мать.

— Вчора дед Василь проходив, поздоровались... И Микита, ну котрий на лугу козлят пасет... Позавчора тетка Миколаївна, еще...

— Миколаївно? — ахнула Палажка. — Ах, ця гадкая відьма! Щоб ее молнией вбило, Господи, щоб ее вбило!..

— Мамо, ну може зря на нее зубоскалят... Панотець Пантелеїмон казав, що відьом не буває...

Палажка резко вскочила и в сердцах закрыла лицо ладонями.

— Ой, Наталко! Горе ти моє! — стенала она. Затем стала говорить тише: — Тітку Любу наврочила вона, пам'ятаєш її? Прийшла до неї колись ця курва, попросила віддати свою курку породисту, яка несла великі яйця. А як вона тішила, тьху! «Ой, Любаня, у тебе на подвір'ї птиця — аж у царя в саду! А ось ця чорненька мені в душу запала, поступися по-сусідськи за безцінь, тобі ж не збиток при твоєму багатстві!» Мені сама наша сусідка все доповіла. Була жінка – ух! Плечиста, товста! Віддала вона їй свою курку. А потім схудла тітка Люба і померла. Ой, Наталко, як же ти побачивши її, через плече не плюнула... Тетеря ти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.